

Эта бесконечная, полная ужаса дождливая ночь наконец подходила к своему завершению. К тому мигу, когда на востоке начала робко появляться белизна рассвета, ливень окончательно утих. На самом краю небосвода затеплился первый несмелый луч света, и сковавший столицу хаос, сопровождавшийся леденящим кровь предсмертным рёвом штурмующих армий, наконец полностью угас.

Мирные обыватели Жунина за всю эту ночь не смыкали глаз ни на долю секунды. Все они, оцепенев от парализующего страха, укрывались в потайных комнатах, глухих подвалах и под деревянными настилами кроватей в своих домах, трясаясь как осиновые листья. Простые люди понятия не имели, какая именно трагедия разыгрывается на улицах, они лишь созерцали, как за окнами их спален то и дело проносятся чьи-то зловещие тени, а багровая кровь фонтанами брызжет на бумажные ширмы. Душераздирающие, истошные вопли умирающих, смешиваясь с шумом разбушевавшейся стихии, намертво стягивали кожу на головах горожан, заставляя их затаить дыхание. Никто из них не смел даже лишний раз моргнуть. Пригвоздив взгляды к запёртым дверям и ставням, они ежесекундно ожидали, что в их жилища вот-вот ворвутся безжалостные палачи и заберут их жизни.

Лишь когда солнце окончательно взошло и предсмертные крики на улицах затихли насовсем, напуганные простолюдины из столичных кварталов начали робко, небольшими группами по три-пять человек выбираться наружу.

Абсолютно каждый из них подсознательно приготовился увидеть горы изувеченных человеческих трупов, хаотично разбросанных по мостовым. Однако, к их полному ошеломлению, ровные плиты жунинских улиц были вычищены до безупречного блеска, и на них не осталось не то что следов бойни, но даже капли застоялой дождевой воды.

Сложная, переплетённая сеть вековых столичных дорог застыла в кристальной, безмолвной тишине, ничем не отличаясь от сотен других обычных, заурядных рассветов. Пройдёт пара часов, и тысячи людей вновь будут чинно вышагивать по этим камням, устремляясь навстречу собственным великим амбициям. Вот только они напрочь позабудут, что в момент этого утра точно такие же безумные мечты рухнули в прах, и багровая кровь проигравших впиталась в ту же самую землю Поднебесной.

Эта древняя столица успела воочию повидать бесчисленное множество рассветов и закатов. Человеческие судьбы проносились по её улицам бурным потоком, она ведала сокровенные помыслы и грехи миллионов, но никогда не раскрывала своих тайн и хранила гробовое безмолвие.

Минувшая ночь нынче казалась уцелевшим обывателям Жунина лишь тяжёлым, быстро рассеявшимся кошмаром. Поначалу ошарашенные люди искренне полагали, будто ночная резня была лишь массовой галлюцинацией, порождённой раскатами грома и шумом ливня. Однако, едва заметив покосившиеся ворота и разгромленные в щепки пригородные постройки, они с содроганием поняли, что трагедия была реальной. Всё это случилось на самом деле. Вот только чья-то могучая, невидимая длань сумела со стопроцентной точностью, совершенно незаметно для окружающих, стереть любые материальные следы этого преступления против престола.

Не было никакой гражданской войны. Не было вооружённого мятежа. Не было кровавого переворота. И ни одна живая душа в министерствах Поднебесной не посмела подвергнуть сомнению легитимность первой в истории вселенной женщины-императора.

Небеса очистились, реки успокоились, в государстве воцарился вечный покой, а народ обрёл долгожданную безопасность. Даже проливной ливень утих в момент торжества, и в представлении консерваторов это знамение Небес безоговорочно подтверждало священную мудрость и праведность новой правительницы.

Именно сегодня дева-владыка должна была официально облачиться в парадные императорские одежды.

Но ради этого триумфа некоторые люди обязаны были сдохнуть.

Едва гвардия Ли Яньи сумела подавить натиск элитных солдат Се Фучэня и напроочь рассеять отряды повстанцев «Армии Жёлтой Земли», министр правосудия Вэй Лунь с абсолютным, леденящим хладнокровием отдал свой первый указ. Он приказал ещё до первых лучей солнца вывезти абсолютно все трупы мятежников вон из Жунина и зарыть их в глубоких общих могилах на дальнем городском кладбище для безвестных. Одновременно с этим отрядам велено было начисто отмыть мостовые, чтобы не оставить ни малейшей зацепки для шпионов. С другой стороны, Вэй Лунь экстренно отправил своего второго сына, генерала Вэй Цзинъаня, во главе конных разъездов наперерез бегущему Се Фучэню. Он приказал доставить его живым или мёртвым.

Пройдя сквозь горнило изнурительного ночного боя, Вэй Цзинъань не выказывал ни малейшего признака усталости или слабости. Получив священное распоряжение отца, он во главе личного латного авангарда вихрем сорвался с места, устремляясь в погоню вон из Жунина.

Дождь к тому времени почти полностью прекратился, и небо озарилось чистым утренним светом. Вэй Цзинъань ювелирно нащупал на размокшей земле глубокие колеи от поспешно уезжавшего экипажа Се Фучэня и во весь опор погнал коней по следу.

Кучер оказался на редкость хитрым и прожжённым малым: он без конца петлял по глухим просёлочным дорогам и менял маршруты, из-за чего Вэй Цзинъань несколько раз едва не потерял нить преследования. Однако молодой генерал ни за что не согласился бы расписаться в собственной беспомощности и повернуть коней обратно. В глубине души он непрерывно молил дух своего погибшего старшего брата явить милость и направить его руку. Вновь взором препарировав едва заметные царапины на траве, он в конечном счёте всё же настиг и намертво зажал повозку Се Фучэня в угол.

Вэй Цзинъань одним точным ударом тяжёлого копья начисто снёс кучера с облучка, отправив его на тот свет, и нетерпеливо рванул на себя кожаную занавеску салона. В этот миг его сердце ещё тревожно и неровно билось в груди. Он резонно опасался, что коварный и опытный маршал давно раскусил погоню, тайно бросил экипаж в лесу и оставил им лишь пустую

деревянную коробку.

Но сами Небеса в этот день безоговорочно приняли сторону дома Вэй. Се Фучэнь был внутри.

Вэй Цзинъань за шиворот выволок потерявшего сознание Се Фучэня из салона на землю, велел связать его пеньковыми путами по рукам и ногам и под тройным конвоем личной гвардии бережно доставил обратно в Жуниин, без лишних церемоний засадив злейшего врага своего рода в самую глухую тюремную камеру императорской темницы.

Все уцелевшие сторонники фракции Се в одно мгновение оказались либо изрублены в куски на улицах столицы, либо взяты под стражу. И не прояви бродячий рыцарь Хан Ле свою запредельную, нечеловеческую отвагу, прорубив кольцо окружения и силой вывезя барышню А-Сюнь за городские заставы, она бы тоже гарантированно закончила свой земной путь на плахе.

Увы, сам Хан Ле так и не сумел исполнить последнее тайное завещание Се Фучэня – отыскать и ликвидировать парализованную Вэй Тинсюй. И пусть в ходе ночной зачистки они сумели захватить живьём её самую преданную служанку Линби и подвергли её самым изощрённым, дьявольским пыткам, эта железная барышня стойчески вынесла всю нечеловеческую муку и до самого своего последнего вздоха так и не разомкнула уст.

– Всё из-за этой проклятой твари А-Лай! Это она в самый решающий миг спутала нам все карты, не то Вэй Тинсюй сейчас уже гнила бы в могиле под нашими ножами! – А-Сюнь едва сдерживала слёзы ярости, покидая Жуниин. Во время прорыва из города она получила тяжёлое ранение. Лезвие сабли насквозь распоролло её левое предплечье, оставив глубокую, зияющую рану до самой кости.

Следовавший на коне чуть позади Хан Ле непрерывно и бдительно сканировал взглядом окрестные рощи, опасаясь погони, и негромко произнёс:

– Барышня, не стоит убиваться и пытаться сокрушить всё в один миг. Голова Вэй Тинсюй пока лишь временно задерживается на её шее, и за сегодняшнюю кровь нашей семьи мы неизбежно взыщем с неё сполна в будущем. Сейчас наша первейшая, наивысшая задача – отыскать надёжное и глухое убежище в лесах, подлечить увечья и сойтись с отрядами, сопровождающими самого господина Се.

А-Сюнь оставалось лишь безмолвно подчиниться его доводам.

В её душе клокотала неистовая, испепеляющая обида. Та самая проклятая ведьма, что обрекла весь её процветающий дом на тотальное стирание с лица земли, находилась в каком-то жалком полушаге от её кинжалов, и надо же, идеальный шанс был упущен в самую последнюю секунду. А-Сюнь со всей горечью спросила саму себя: если они упустили этот триумфальный момент сегодня, то сколько же долгих лет им придётся скрываться в неизвестности, прежде чем судьба позволит им вновь поднять мечи против Вэй Тинсюй?

Она замерла на вершине лесного холма, бросив прощальный взгляд назад на раскинувшиеся в долине монументальные контуры Жунина. Эта неприступная стальная цитадель Поднебесной с сегодняшнего дня должна была перейти под абсолютную власть безжалостных злодеев и узурпаторов. Интересно, – подумалось ей, – если бы священные праотцы и великие предки правящей династии Ли узнали, какую неистовую, порочную узурпаторшу взрастило их родовое древо, то какими бы горькими слезами они исходили там, у Девяти источников преисподней?

Когда Сяохуа и Вэй Тинсуй в спешке вернулись в город, великое сражение уже завершилось. Повсюду бесчисленные воины в гробовом безмолвии стаскивали с улиц горы трупов, чтобы увезти их на телегах за городские заставы. Обе девушки повсюду искали хоть малейший след Чжэнь Вэньцзюнь и Линби. Людей для прочёсывания катастрофически не хватало, и за долгие часы поисков им так и не удалось добыть ни единой весточки. Превозмогая слабость, Вэй Тинсуй в панике приподнялась из кресла и самолично принялась хватать за рукава пробежавших мимо солдат, засыпая их расспросами. Лишь когда улицы были почти полностью очищены от тел, она сквозь плотную пелену утреннего тумана разглядела смутный, до боли знакомый силуэт, медленно приближавшийся к ним издалека.

Это была Чжэнь Вэньцзюнь.

Багровая кровь на её латах и одежде уже давно запеклась и покрылась сухой коркой. На своих руках она бережно несла человека.

Вэй Тинсуй не нужно было подходить ближе, чтобы понять, чьё именно безжизненное тело покоится в этих объятиях. Она с первого взгляда узнала походное платье Линби.

Давно растерявшая последние физические силы Чжэнь Вэньцзюнь, шатаясь и спотыкаясь на каждом шагу, добрела до Вэй Тинсуй. Мокрые, растрёпанные пряди волос облепили её лицо, застилая взор, а кожа была сплошь покрыта пятнами засохшей грязи и чужой крови. В этот миг она походила на безумную бродяжку, потерявшую рассудок.

– Прости меня... – Чжэнь Вэньцзюнь держалась из последних сил весь этот долгий путь, но стоило ей увидеть лик Вэй Тинсуй, как воля её окончательно надломилась. Рухнув на колени прямо перед госпожой и крепко прижимая к себе уже похолодевшее, окоченевшее тело Линби, она в полном изнеможении выдохнула. – Прости меня...

Уткнувшись лицом в грудь мёртвой подруги, она безудержно, сокрушённо разрыдалась.

Услышав приглушённые крики, к ним поспешила и Сяохуа. Едва взгляд её упал на безжизненный лик Линби, она наконец поняла, ради чего Вэй Тинсуй так отчаянно настаивала на возвращении в Жунин. Вещее предчувствие молодой госпожи оказалось пугающе, безупречно точным.

Вэй Тинсуй ласково убрала растрёпанные пряди с лица Линби. Та казалась мирно уснувшей, вот только кожа её была изрядно испачкана дорожной грязью. Достав из-за пояса шёлковый платок, советница принялась ювелирно, штрих за штрихом очищать её бледное лицо от пятен и

крови.

– Позволь мне забрать её, – спустя долгую паузу наконец сказала Вэй Тинсюй. Голос её звучал неописуемо сухо и хрипло, словно горло ей изнутри раздирали пригоршни острого песка и палаческие лезвия, причиняя её существу физическую муку.

Попытавшись перехватить тело Линби из рук Чжэнь Вэньцзюнь, Вэй Тинсюй из-за немоги собственных ног едва не повалилась навзничь вместе с покойницей, но к счастью, Сяохуа и Чжэнь Вэньцзюнь успели вовремя подхватить её с двух сторон, удерживая равновесие.

Вэй Тинсюй крепко прижала Линби к своей груди, словно пыталась наощупь уловить хоть каплю тепла и убедить саму себя в том, что весь этот кошмар реальность, а не дурной сон.

Но леденящий холод мёртвой плоти развеял последние иллюзии.

Линби по самой своей природе всегда была девушкой робкой, застенчивой и скрытной, выкажи кто-то желание обнять её или просто коснуться руки, она бы в ту же секунду в смущении сбежала прочь. И то, что сейчас она позволяла так долго удерживать себя в объятиях и не выказывала ни малейшего протеста, доказывало, что она не притворяется. Её больше нет. Всё это правда.

– Это моя вина, – Вэй Тинсюй бережно уложила подбородок Линби на своё плечо, запустив тонкие пальцы в её длинные волосы, а взгляд её остекленел, устремившись в пустоту. – Каждый раз я отсылала тебя на самые страшные и опасные задания, свято веря, будто ты сильнее и способнее всех на свете, и ни разу в жизни не задумалась о том, что ты ведь тоже соткана из плоти и можешь получить смертельное ранение.

Чжэнь Вэньцзюнь заливалась слезами, без умолку вымаливая прощение.

Вэй Тинсюй негромко спросила её о том, какая именно трагедия разразилась в том тупике, и Чжэнь Вэньцзюнь, захлебываясь от рыданий, капля за каплей пересказала ей всю хронологию событий.

– Вэньцзюнь, больше не плачь. В этом нет ни капли твоей вины. Подлинные убийцы – это люди семьи Се, это сам Се Фучэнь, но уж точно не ты. И слава Небесам, что ты успела ворваться в тот переулок вовремя, сумев сберечь и защитить высшее, предсмертное достоинство нашей Линби от глумления врагов.

Лицо Чжэнь Вэньцзюнь было сплошь покрыто потоками слёз, в её груди клокотали тысячи сокровенных слов и тайна её происхождения, сорвавшаяся с губ Линби перед кончиной, однако в конечном счёте она так и не нашла в себе сил разомкнуть рта.

– Ну же, довольно, – Вэй Тинсюй одной рукой бережно поддерживала Линби за спину, а

пальцами второй ласково коснулась щеки Чжэнь Вэньцзюнь, нежно осушая её слезы. – Больше ни слова. Сперва нам нужно перевезти Линби в родные стены. Она трудилась ради нашего блага не щадя сил, и теперь её душа наконец-то сможет обрести вечный, заслуженный покой.

Когда они добрались до резиденции Вэй, то с ужасом обнаружили, что их родовое поместье в эту ночь тоже подверглось яростному нападению мятежников. К счастью, генерал Чжансунь У во главе своих войск подоспел к воротам как раз вовремя, и, объединив силы с личной стражей дома Вэй, они сумели подчистую выкосить налётчиков, уберегая жизни абсолютно всех членов семьи.

Матушка Вэй Тинсуй и её младшая сестрица А-Жань (Вэй Цзинжань) перенесли сильнейший эмоциональный шок и до смерти перепугались. Поскольку патриарх Вэй Лунь до сих пор не вернулся из императорских министерств, Вэй Тинсуй пришлось лично, шаг за шагом обходить покой, успокаивая родных. Велев дворовым слугам немедленно развести огонь и наварить согревающих целебных отваров для семьи, она со всем почтением лично поблагодарила Чжансунь У за спасение дома.

– Цзычжо, брось эти церемонии, я лишь исполнил свой священный долг воина, – открыто улыбнулся Чжансунь У. – Кстати говоря, до нас донесли вести, что моя младшая сестрица А-Ляо благополучно вернулась в столицу, да ещё и пригнала с собой какую-то невиданную девичью гвардию! До чего же занятная и курьёзная история! Как только торжественная церемония коронации Её Величества завершится, я лично приеду за тобой на повозке, и мы вместе отправимся поглядеть, что это за чудо-армия у моей сестры!

Вэй Тинсуй, преодолевая адскую слабость и ноющую боль во всём теле, натянула на лицо вежливую улыбку и кое-как поддержала беседу. Проводив почётного гостя до ворот, она под конвоем Сяохуа поспешно направилась во внутренние покои поместья, прямиком в девичью спальню Линби.

– Какой час на дворе? – тихо спросила она.

– Уже вовсю идёт час лошади (с 9 до 11).

– Ровно в полдень под сводами зала Тайцзи должно начаться официальное восхождение Её Величества на престол, а я из-за этих трагедий уже изрядно опаздываю. Сяохуа, не теряй ни секунды, ступай и приготовь моё парадное министерское одеяние и венец.

– Слушаюсь!

Сяохуа вихрем умчалась исполнять поручение. Вэй Тинсуй медленно приоткрыла дубовую дверь комнаты Линби и замерла на пороге. Чжэнь Вэньцзюнь так и сидела неподвижно прямо на холодном полу, мёртвой хваткой сжимая леденящие пальцы уснувшей подруги и не в силах выпустить их из рук. Губы девушки едва заметно подёргивались, и она без конца сбивчиво шептала что-то сокровенное прямо в пустоту. Лишь безмолвно созерцая эту картину скорби, Вэй Тинсуй тихонько закрыла створки дверей и бесшумно отступила назад в коридор.

Чжэнь Вэньцзюнь с величайшей бережностью и аккуратностью расчесала волосы Линби, дочиста отмыв их от запёкшейся крови и дорожной грязи. Переодев её в совершенно новые, чистые одежды, она присела у самого края кровати и нежно прислонилась своей головой к голове уснувшей подруги. Точно так же, как в былые дни в Нанья они вдвоём часами лежали на высоком деревянном помосте в маленьком дворике, ловя лицом свежий речной ветерок, попивая прохладный чай и ведя неторопливые беседы.

Она крепко сжимала в своих пальцах ту самую шпильку для волос, которую Линби любила больше всего на свете и носила долгие годы. Пытаясь бережно, кусочек к кусочку восстановить сломанное украшение, Чжэнь Вэньцзюнь без умолку, сбивчиво шептала в пустоту истории из своего детства, рассказывала о матушке, а также о том, почему судьба силой заставила её стать шпионом и сколько изощрённых усилий ей пришлось затратить, чтобы внедриться в поместье и подобраться к самой Вэй Тинской.

– Знаешь... Когда сестрица изначально приставила тебя ко мне, было ведь до боли очевидно, что твоя единственная задача – непрерывно шпионить за каждым моим шагом... Поначалу я тебя безумно боялась. Едва увидев тебя впервые, я сразу подумала, что лицо у тебя на редкость коварное, а улыбаешься ты как хитрая лисица, и решила, что передо мной стоит пугающе сильный мастер. Кто же мог знать, что я потом несколько раз преспокойно солью секретные донесения на сторону, а твой хваленый гений этого даже не заметит! Хе-хе... Впрочем, ты ведь в те дни тоже подспудно подозревала меня, верно? Чувствовала, что мои деяния из рук вон подозрительны, да только никак не могла поймать меня за руку и нащупать веские улики, я права? – Чжэнь Вэньцзюнь говорила, то и дело шмыгая носом от подступающих слёз. Ей казалось, будто многие потаённые мелочи из их прошлого давно стёрлись из её памяти, однако сейчас все эти пустяки бурным потоком всколыхнулись в её разуме, являя в деталях каждое мгновение. То, как Линби перед каждым военным походом заботливо собирала её дорожные сундуки и без умолку засыпала её напутствиями и предостережениями, будь её родная матушка жива и находись она рядом, ощущения были бы точно такими же.

Жаль только, что любимую нефритовую шпильку сестрицы Линби починить было уже невозможно...

– В день моего официального восхождения на престол Цзычжо обязана неотлучно стоять подле моего трона.

Ли Яньи ещё задолго до этой ночи заключила со своей верной советницей нерушимое соглашение.

– Вырвать бразды правления силой оружия – дело нехитрое, но вот удержать Поднебесную в узде и сберечь империю от распада – уже задача колоссальной, истинной сложности. Цзычжо, мы обязаны рука об руку, единым фронтом пойти напролом и претворить в жизнь наши радикальные государственные реформы, чтобы стальным клинком разом отсечь все прогнившие, устаревшие догмы и консервативные устои министерств. И незыблемым фундаментом, первоосновой, благодаря которой я смогу железно закрепиться на драконьем

престоле, станет тотальное возвышение социального статуса женщин. Наш долг навсегда выжечь из разума каждого подданного Великой Юй эту рабскую концепцию о превосходстве мужчин над женщинами. И ты, Цзычжо, станешь первой в многовековой истории Великой Юй официально и легитимно признанной женщиной-министром. В этом великом деле мы не имеем права выказывать ни малейшего малодушия и слабости. И на самой церемонии коронации именно тебе моим верховным указом вверено право громогласно зачитать священный манифест перед всей Поднебесной.

Облачившись в роскошное парадное чаофу, которое Ли Яньи заблаговременно приказала сшить в лучших императорских мастерских специально для неё, Вэй Тинсюй направилась в Запретный город.

Этот новый костюм заметно отличался от стандартных, строго регламентированных уставом чиновничьих одеяний сановников-мужчин. На ткани не было ни единой вышивки или броши, указывающей на конкретный ранг или министерскую степень. Однако в самом покрое платья крылся пугающий, ювелирный умысел узурпаторов. И пусть формально Вэй Тинсюй ещё не занимала конкретной должности, любой знающий сановник при первом же взгляде на этот наряд похолодел бы от шока. По своему величию и крою это платье в точности соответствовало парадному облачению высших министров девяти верховных ведомств империи.

Пропитанный бешеной злобой и реками крови ночной шторм наконец остался позади. Залитая вчерашней багряной человеческой кровью площадь перед залом Тайцзи теперь, озарённая слепящими лучами утреннего солнца, высилась неописуемо торжественно, монументально и сурово. Сотни высших министров и сановников Поднебесной ровными рядами пали ниц на каменные плиты, а над Запретным городом в едином ритме грянул громоподобный набат колоколов и ритуальных барабанов.

Завершив священное восхождение на пик горы Ванцзюнь и принеся жертвы духам предков, Ли Яньи величавым шагом переступила порог парадных врат Запретного города, а вся свора уцелевших чиновников безмолвным шлейфом следовала за ней по пятам.

Ли Яньи была облачена в самое священное императорское одеяние. Одеяние-гуньфу глубокого чёрного цвета, символизирующее бездонное небо, с роскошной нижней юбкой-сюнь глубокого красного оттенка, символизирующей саму землю. На её плечах золотыми нитями сияли вышитые диски солнца и луны, а вдоль спины тянулся узор из бесчисленных звёздных созвездий вселенной. Высокий коронационный венец-мяньгуань крепился на её волосах массивной шпилькой из чистейшего белого нефрита, а длинные ряды белоснежных бусин, мерно покачиваясь перед её лицом, частично скрывали её взор.

Она продвигалась к своему драконьему трону широким, уверенным кавалерийским шагом. Ли Яньи отчётливо знала, что та дорога, по которой она ступает прямо сейчас, священный и страшный путь, до самого горизонта вымощенный жизнями бесчисленных тысяч людей Поднебесной, и с каждым сделанным шагом её подошвы буквально ступают по горам бездыханных трупов её врагов.

Ли Яньи величаво взошла на возвышение в зале Тайцзи и опустилась на императорский трон.

Вся площадь в ту же секунду содрогнулась от громоподобного, благоговейного клича сотен сановников, которые, непрерывно разбивая лбы о мраморные плиты, истошно выкрикивали священное: «Десять тысяч лет Нашему Императору!» Застывшая чуть поодаль Вэй Тинсюй развернула бамбуковый свиток и принялась громогласно зачитывать текст коронационного манифеста.

– Император, Ваш верный слуга Яньи, дерзает принести в жертву священного чёрного быка, чтобы во всеуслышание провозгласить пред лицом Верховного Владыки Небес и Божественной Земли... – зазвучал над площадью манифест.

Звонкий, чистый и невероятно уверенный женский голос Вэй Тинсюй ленивыми волнами плыл над бескрайними ярусами зала Тайцзи, непреодолимым, удушающим бременем ложась прямо на низко опущенные головы сотен коленопреклоненных мужчин-сановников. Она чеканила каждое слово с запредельной, абсолютной внутренней силой, и в эту минуту какой бы дикий внутренний протест, сомнения или священный ужас ни глодали разумы консервативных министров старой элиты, ни одна живая душа среди них не посмела открыть рта и выкрикнуть обвинения. Им оставалось лишь в полном оцепенении, сцепив зубы, безмолвно слушать, как голос этой женщины во всеуслышание объявляет всей вселенной: отныне над Поднебесной занимается заря совершенно новой исторической эры и новой имперской хронологии.

Ли Яньи медленно обвела величественным взором расстилавшуюся под её ногами панораму тронного зала. Не смыкавшая глаз на протяжении всей этой безумной ночи, она сейчас не ощущала в своём существе ни малейшего признака усталости или истощения сил. Напротив, в её жилах бурлило неистовое, пьянящее чувство бешеного экстаза, в котором, впрочем, отчётливо сквозила вуаль глубокой, пугающей нереальности всего происходящего.

Всё свершилось настолько стремительно, словно было лишь мимолётным, призрачным сном. Столько долгих лет непрерывных интриг, заговоров, шпионских войн и беспощадной резни на полях сражений в конечном счёте всё же вытолкнули её фигуру на эту абсолютную вершину мира. Ей удалось собственноручно ликвидировать абсолютно каждого, кто смел встать на её пути, и до единого человека сослать в застенки подземного царства мёртвых всех своих могущественных столичных врагов. И ныне, стоя на самом пике тотальной власти Поднебесной и принимая священные поклоны от представителей всех восьми сторон света, она невольно поймала себя на одной ироничной мысли: если бы дух покойного императора сейчас взирал на эту площадь из Девяти источников преисподней, какие бы мысли содрогали его священное существо при виде этой картины?

Покойный император предпочёл провозгласить наследным принцем сына безвестной дворцовой служанки, но так ни разу и не подумал о том, чтобы передать трон принцессе Хуайчэнь, которая во всём превосходила столичных мужей. Мало того, он ещё вознамерился выдать её замуж в далёкие варварские земли, чтобы навсегда убрать из столицы.

– Матушка, я не хочу уезжать на чужбину, – едва узнав об этой страшной вести, Ли Яньи сразу бросилась в покои императрицы Гэн. Она не желала покидать Жунин. Ведь у неё уже была её А-Синь, и она ни за что на свете не согласилась бы принадлежать другому мужчине, и прозябать в диких краях среди неотёсанных кочевников.

Императрица Гэн тоже всем сердцем не хотела, чтобы её единственная дочь переносила подобные муки. К тому же, к маленькому Ли Цзюю она не питала ни малейшей теплоты. Ли Цзюй в её глазах оставался лишь ничтожным отпрыском паршивой рабыни, и с какой стати этот бастард должен был единолично владеть великой Поднебесной?

В конце концов, это была империя рода Ли, и владеть ею по праву могла лишь чистая, законная кровь правящего дома.

– Хуайчэнь, не бойся, матушка защитит тебя, – императрица Гэн наклонилась к самому уху дочери, вкрадчиво шепча:

– Пообещай мне лишь одно: ни в коем случае не устраивай скандалов перед своим отцом и не произноси при нём ни единого лишнего слова. Матушка ни за что не позволит увезти тебя из Жунина, но платой за это станет твоё безмолвие. Отныне ты обязана скрыть свой блеск и затаиться, чтобы никто во дворце не прознал о наших замыслах. Матушка клянётся тебе... Я собственноручно возведу тебя на императорский престол, и ты станешь первой в истории женщиной на драконьем троне.

– Женщиной-императором? – сердце Ли Яньи тогда судорожно сжалось от шока. Она и прежде втайне задумывалась о подобном исходе, вот только во всей многовековой истории Центральных равнин ещё не бывало прецедентов, чтобы женщина правила страной. Да что говорить о престоле, женщины даже мелких официальных чинов в министерствах никогда не занимали! И как бы высокомерна она ни была в своих помыслах, до этого дня она не верила, что судьба действительно дарует ей уникальный шанс.

Но слова матери настезь распахнули ту самую потайную, полуприкрытую дверь в её душе.

А за этой дверью скрывалось то, о чём она грезила каждую секунду своей жизни. Абсолютная власть, бескрайняя империя, карательные походы и безраздельное господство над миром... Все эти образы с самого отрочества непрерывно будоражили её разум, и она долгие годы силой воли подавляла это внутреннее пламя, пока мать окончательно не сорвала замки с её амбиций, выпустив наружу дремавшего в ней свирепого волка.

Она твёрдо знала, что ни в чём не уступает великим монархам прошлого. Всё, что под силу совершить мужчинам, она способна исполнить ничуть не хуже.

И вот теперь она наконец-то стояла на самой вершине Великой Юй. Едва Вэй Тинсюй завершила чтение коронационного манифеста, под громоподобный, сокрушительный гул сановников, падавших ниц.

Вся когорта министров и сановников дружно поднесла ей приветственные свитки-благопожелания. После совершения четырёх канонических церемониальных поклонов под музыку дворцовый оркестр утих, и глашатаи затянули хвалебные гимны. Когда бесконечная вереница ритуалов и коленопреклонений была полностью завершена, Ли Яньи, являя величие юного феникса Поднебесной, издала свой первый императорский указ, объявив масштабную

амнистию для заключённых по всей стране.

Следом из её уст вылетели указы о награждении верных слуг: патриарх Вэй Лунь был официально назначен великим маршалом и главой Канцелярии Шаншулин, а также пожалован почётным титулом гогуна. При этом чин великого маршала отныне выводился из прежней системы трёх высших сановников и наделялся беспрецедентным статусом, стоявшим выше любых министерских рангов и дававшим ему право единолично командовать всеми вооружёнными силами империи. Второй старший брат Вэй Тинсюй, Вэй Цзиньань, получил звание генерала Чжэньюань третьего официального ранга. Глава казначейства Чжансунь Яо был возведен на пост верховного министра Военного ведомства и главного цензора, получив титул Хуайцзын-хоу... Каждый преданный воин, советник и лазутчик, рисковавший ради неё жизнью, удостоился высоких чинов и баснословных наград, и в особенности это касалось могущественных семей Вэй и Чжансунь.

Священные свитки с указами о наделении титулами один за другим громогласно зачитывал евнух Ведомства жёлтых ворот, однако, когда чтец добрался до самого конца списка, имя Вэй Тинсюй в манифесте так и не прозвучало.

«Я всем сердцем желаю, чтобы ты, Цзычжо, официально вошла в историю Великой Юй как первая женщина-чиновник. Однако в этом деле нам ни в коем случае нельзя проявлять излишнюю поспешность, иначе мы рискуем спровоцировать мощный раскол и бунт среди консерваторов в самом сердце центрального аппарата. Мы намерены дожидаться весенней аттестации и выборов новых кадров в следующем году, чтобы тогда со всеми юридическими почестями ввести твою фигуру в состав министерств. Цзычжо, Я прошу тебя временно перетерпеть эту несправедливость и побыть в тени ради нашего общего блага».

Слова, произнесённые Ли Яньи накануне, до сих пор отчётливо звучали в её ушах. Вэй Тинсюй не выказывала ни малейшего признака спешки или обиды. Величаво замерев на высокой смотровой платформе тронного зала, она безмолвно слушала, как распорядитель провозглашает официальную смену имперского девиза правления на новую эру «Чжаоу», и в её душе зародился лишь один тихий, скорбный вздох.

Жаль только, что те преданные души, что пролили свою кровь и пали на улицах Жунина этой ночью, уже никогда не смогут воочию узреть наступление этой великой, невиданной в веках эпохи Чжаоу.

Между тем в девичьей спальне поместья Вэй, как ни пыталась Чжэнь Вэньцзюнь восстановить шпильку для волос, сделать ей это так и не удалось. Ювелирные обломки нефрита выskalзывали из её пальцев, и то глухое раздражение вместе с тягучей тоской, что глодали её душу в самом начале, капля за каплей переросли в абсолютное, парализующее отчаяние. В конце концов ей оставалось лишь признать поражение и опустить руки.

Какими бы бесценными и дорогими ни были вещи на этом свете, стоит им лишь однажды

разбиться, и они потеряны навсегда. Точно так же, как и ушедшие из жизни любимые люди, которых уже ни одни боги вселенной не смогут вернуть обратно из подземного царства мёртвых.

Чжэнь Вэньцзюнь неотлучно провела подле Линби целые сутки и ночь. Обвеваемая отголосками колокольного набата и грохота барабанов, что непрерывно плыли над всем Жунином, знаменуя начало новой эры, она без умолку делилась со своей усопшей подругой сокровенными мыслями.

– Да, я шпионка. Но шпион из меня никчёмный и совершенно бездарный. И если я скажу тебе, что вся моя слежка, моё внедрение в дом Вэй и сбор тайн были лишь вынужденными шагами, на которые меня силой толкнула судьба, согласишься ли ты мне? За все те дни и ночи, что мы провели бок о бок, мои чувства к вам всегда оставались чистыми и подлинными. Я искренне любила каждый божий день, прожитый вместе с вами. С той самой секунды, как этот мир покинула моя родная матушка, самыми близкими людьми, что дарили мне тепло и заботу, были только ты и сестрица Тинсюй. Будь во вселенной хоть малейшая возможность, я бы без секундных колебаний отдала собственную жизнь, чтобы сберечь ваш покой, – Чжэнь Вэньцзюнь мёртвой хваткой сжимала леденящую руку Линби, отчаянно пытаясь согреть её дыханием своего тела.

Вэй Тинсюй подошла и бережно разомкнула их пальцы.

– Нам пора проводить Линби в последний путь, – тихо произнесла Вэй Тинсюй. – На дворе стоит изнурительный летний зной, и если оставить тело в покоях слишком надолго, плоть неизбежно тронет тление. Ты ведь и сама всем сердцем не желаешь, чтобы в свой финальный час наша Линби ушла не по-человечески, лишившись благородного достоинства.

Она принесла с собой в эти тихие, уединённые чертоги спальни густой шлейф всеобщего ликования и шумного пира, бушевавшего по случаю коронации. И эти отголоски праздника казались здесь, у смертного одра, чуждыми и неуместными. Однако, из каких бы великих министерских чертогов ни возвращалась Вэй Тинсюй, одно её слово всегда со стопроцентной точностью било в самую суть происходящего.

Советница Вэй до самого конца оставалась человеком неописуемо трезвого рассудка, прагматизма и железной воли.

Неохотно и со скорбью Чжэнь Вэньцзюнь наконец выпустила холодную ладонь подруги. Собственными глазами созерцая, как Линби укладывают внутрь чужого, пахнущего свежей древесиной гроба, она из последних сил сцепила зубы, пытаясь унять подступающие слёзы. В своё время матушка часто твердила ей, что в первые минуты после кончины одна из семи животных душ человека по-прежнему задерживается у него в темени¹ и способна отчётливо слышать каждый шорох вокруг. И если любящие родственники и названные братья у смертного ложа принимаются истошно, безудержно рыдать и сокрушаться, душа усопшего не находит покоя и не может мирно уйти на небеса. Чжэнь Вэньцзюнь меньше всего в этой жизни хотела, чтобы Линби исходила за неё тревогой на том свете, однако предательские, горькие слёзы вопреки всей её воле градом катились по щекам.

¹Концепция души По (尸 / 尸 - По) – в традиционных даосских и доконфуцианских верованиях о загробном мире считалось, что духовная структура человека состоит из двух полярных начал: трёх высших разумных душ Хунь (魂 - отправлялись на небо) и семи животных, телесных душ По (魄 - оставались подле физической плоти и уходили в землю). Согласно канонам, в течение трёх дней после кончины одна из душ По задерживается в районе макушки/темени (脑 - Тяньлин), сохраняя способность частично воспринимать звуки и эмоции живых.

– Плачь, не сдерживай себя, – негромко произнесла стоявшая за её спиной Вэй Тинсюй, прекрасно зная о её внутренних терзаниях. – Вот только ты обязана намертво запечатлеть в своём рассудке, ради чего и из-за кого ты проливаешь эти слёзы сегодня. Ибо только тот, кто прошёл сквозь горнило безудержной скорби и выплакал всю свою муку, обретает в финале истинную, непреклонную силу.

В тот страшный день, когда до неё донеслись вести о трагической гибели её родной матери, Чжэнь Вэньцзюнь испытала такую адскую муку, словно её сердце живьём рвали на части щипцами. Смерть же Линби принесла ей иное, зрелое знание: как бы горячо ты ни любил человека и как бы отчаянно ни стремился удержать его подле себя, наступает миг, когда тебе не остаётся ничего иного, кроме как разжать пальцы и отпустить его навсегда.

Изначально она намеревалась положить железные наручи, оставшиеся от подруги, внутрь гроба, чтобы они ушли вместе с ней в могилу. Однако, поразмыслив ещё мгновение, она всё же приняла решение оставить их себе.

Ведь если абсолютно все её вещи бесследно исчезнут под толщей земли, то где же тогда спустя долгие годы искать хоть малейшую зацепку, хоть крупицу памяти о том, что эта прекрасная барышня Линби когда-то действительно дышала, любила и жила в этом подлунном мире?

Она закрепит эти тяжёлые боевые наручи на собственных запястьях и шаг за шагом двинется вперёд, навстречу будущему. Она будет идти под ясным, чистым небом, изведает все великие хребты, бурные реки и бескрайние озёра Поднебесной, превратившись в живые глаза Линби, чтобы вместо неё узреть этот огромный, прекрасный мир и встретить рассвет её далекого грядущего будущего.

Линби покинула этот мир, унеся тайну с собой в могилу, однако впереди уже поджидала лавина новых, неотложных и суровых государственных дел, и эти же проблемы мёртвой хваткой сжали плечи новоиспечённого императора Ли Яньи.

Едва взойдя на драконий престол и не успев даже поспать хотя бы пару часов в спокойной обстановке, Ли Яньи экстренно созвала великого маршала Вэй Луня и остальных верных сановников под своды главного зала Тайцзи ради обсуждения насущных вопросов. Она открыто признала, что главная кампания только-только утихла, народное хозяйство по всей стране разрушено до основания, а экономика пребывает в состоянии полного упадка. Внутри границ до сих пор бесчинствуют и жгут деревни отряды повстанцев «Армии Жёлтой Земли», а на дальних заставах, хищно замирая у рубежей, копят силы выжившие корпуса варваров Ху. И в довершение всех этих бедствий, после череды изнурительных, непрекращающихся войн государственная казна Великой Юй оказалась абсолютно, до единой монеты пуста, а в

основных полках катастрофически не хватало живой силы. В такой критический час первейшей, наивысшей задачей для двора становилось немедленное возрождение земледелия и пахотных угодий и экстренная реанимация всей финансовой структуры страны.

Будучи всего лишь принцессой, Ли Яньи в отрочестве была напрочь лишена возможности получить классическое образование, положенное законным престолонаследникам мужского пола. Около её кресла никогда не кучковались великие академики в рангах верховных наставников принца, чтобы по свиткам обучать её тонкостям управления империей. Абсолютно все свои познания она капля за каплей собирала сама, полагаясь на мудрые уроки своего покойного учителя Цзо Сюя и самостоятельно препарируя потайные смыслы стратегий управления из древнейших исторических хроник и канонических трактатов прошлого.

В юности у неё было два самых любимых и сокровенных увлечения. Первым из них было регулярное посещение великих философских дискуссий, так называемых собраний цинфань, где она часами жадно внимала речам и рассуждениям признанных интеллектуалов даосской мысли Поднебесной. В пору до своего шестнадцатилетия она питала к этим дискуссиям поистине наркотическую страсть и всякий раз, увлекаясь спорами о природе бытия, она напрочь забывала о еде и сне, не в силах покинуть залы дискуссий и черпая из этих бесед колоссальный опыт. Однако с того момента, как по всей империи лавиной распространилась мода на курение одурманивающего «Порошка Фужун», благородные мужи и сановники высших рангов принялись стремительно опускаться, теряя человеческий облик. Их поведение на дискуссиях становилось всё более развратным, диким и попирающим любые нормы приличия, что начало вызывать у Ли Яньи глубокое, непреодолимое отвращение. Подлинных мудрецов и святых мужей на этих собраниях с каждым годом становилось всё меньше, в то время как ряды наглых шарлатанов и обманщиков, маскирующихся под канонических праведников ради дешёвой славы и денег, множились со скоростью геометрической прогрессии. При этом масштаб и пышность их собраний лишь раздувались, а те речи, что они толкали с трибун, были настолько нелепыми, глупыми и абсурдными, что вызывали у мыслящих людей лишь горький смех. Осознав это, Ли Яньи раз и навсегда завязала с посещением дискуссий, полностью переключив свое внимание на второе любимое хобби – проведение собственных культурных собраний.

Именно на одном из таких закрытых вечеров судьба впервые свела её лицом к лицу с А-Синь, но это уже другая история.

На те закрытые вечера она приглашала исключительно тех, кто по праву носил высокое звание великих конфуцианских учёных-мыслителей своего века, помимо именитых мужей Поднебесной, среди гостей было немало прославленных и одарённых поэтов. Каждая такая культурная встреча имела свою чёткую тему: будь то состязание в штрихах каллиграфии или сложение изящных стихов. Однако куда больше её привлекали бурные дискуссии о политических триумфах и крахах былых династий, а также о векторах финансового развития государства. На этих изысканных вечерах она сумела тайно привлечь на свою сторону и завязать прочные узы со многими влиятельными и знатными людьми из благородных домов, что и заложило незыблемый, монолитный фундамент для её сегодняшнего восхождения на драконий престол.

Вот только рассуждать с трибун о методах управления страной дело нехитрое, но когда доходит до реального воплощения реформ в жизнь, правитель неизбежно сталкивается с таким

колоссальным сопротивлением, о котором в пору кабинетных мечтаний невозможно было даже помыслить.

Ли Яньи вела ожесточённые споры с министрами до глубокой ночи, и лишь в глухие часы предраусветной стражи вернулась в свои покои во дворец Хуайчэнь. Строительство её новой резиденции внутри Запретного города ещё не было завершено, а жить в старых личных покоях покойного Ли Цзюя она наотрез отказалась, считая это место проклятым и приносящим неудачу. Ей куда приятнее было оставаться в Хуайчэнь до тех пор, пока мастера полностью не закончат отделку её новых дворцовых чертогов.

Многие дни непрерывной, изнурительной рутины и те секунды балансирования на грани жизни и смерти, что она пережила во время мятежа, тяжёлым свинцовым бременем легли на её плечи. По пути она успела немного поспать прямо на сиденье повозки, но едва экипаж въехал во внутренний двор поместья и она, разбитая от усталости, сошла на землю, как взгляд её упал на А-Синь. Израненная барышня Се неподвижно стояла посреди двора, безмолвно устремив взор на чернеющий, непроглядный небосвод, словно высматривая там нечто, ведомое ей одной.

– Почему ты поднялась с постели?! – Ли Яньи в панике молниеносно бросилась к ней и бережно обняла её за покалеченную, иссечённую ранами поясницу. – Твоё тело является собой сплошной узел тяжёлых увечий, тебе устав велит лежать в постели и выхаживать силы! Как ты вообще додумалась выйти на ледяной ночной ветер? Живо, следуй за мной обратно в покои!

Ли Яньи крепко держала её за плечи, но А-Синь лишь едва заметно покачала низко опущенной головой, не проронив ни звука. Впрочем, принцессе не нужны были слова, она безупречно знала, какая именно мысль гложет разум её возлюбленной.

– Се Фучэнь уже арестован и закован в кандалы в камере императорской тюрьмы. Абсолютно все члены семьи Се, за исключением тех немногих, что успели бежать из Жунина, взяты под стражу. В потайной благословенный день их выведут на плаху и предадут казни.

Губы А-Синь судорожно дрогнули, и она медленно опустилась на колени перед императрицей:

– Ваша верная слуга А-Синь из семьи Се желает разделить эту смертную кару со своим отцом и покорно принять законное наказание. Молю Ваше Величество явить милость и сотворить это ради меня.

– А если я наотрез откажусь сотворить это ради тебя? – леденящим тоном спросила Ли Яньи.

– Тогда... Мне не останется ничего иного, кроме как самолично оборвать нить собственного земного существования.

Ли Яньи сокрушённо вздохнула:

- Мы обе ещё очень давно знали, что этот роковой день неизбежно настанет. Просто в сегодняшней партии победителем вышла Я. Окажись на моём месте твой отец, Се Фучэнь, он поступил бы со мной точно так же, безжалостно пустив под нож и весь род Вэй, и семью Чжансунь, и семьи Линь и Цзо. А-Синь, я дала тебе священное обещание: Я костями лягу, но сберегу твой покой, и ни одна живая душа во вселенной не посмеет бросить косой взгляд на наши узы! Мало того, я официально провозглашу тебя Своей Императрицей, чтобы ты разделила со Мной безраздельное господство над этой бесконечной Поднебесной!

Однако А-Синь упрямо, слово в слово повторила свою прежнюю фразу:

- Молю Ваше Величество явить милость и осуществить моё желание.

Мышцы на челюстях Ли Яньи судорожно натянулись от бешеного бессилия, и она вновь яростно процедила сквозь зубы:

- Я не позволяю! Стража! Уведите А-Синь обратно в её покои! Выставить тройную охрану и стеречь её пуще зеницы ока!

- Слушаемся! - неотлучно дежурившие у крыльца личные гвардейцы коршунами рванулись вперёд, намереваясь силой поднять А-Синь с колен, но Ли Яньи в диком гневном заорала на них:

- Кто вам, псам, позволил распускать руки и прикасаться к её телу?!

Стражники в полном ступоре переглянулись между собой, совершенно не ведая, как им поступить, дабы не лишиться голов.

- Ваше Величество, не нужно изводить и тиранить этих воинов, - тихо произнесла А-Синь. - Их единственный долг - хранить абсолютную верность твоим приказам, и вины их здесь нет. В сущности, Ваше Величество просто мечтает превратить меня в свою рабыню и запереть в глухой клетке, - с этими словами она медленно вскинула руки вверх, соединив запястья вместе перед грудью. - Что ж, раз так, то вели связать меня верёвками прямо здесь. Или, быть может, Её Величество желает, чтобы я собственноручно накинула петлю на свои руки?

Видя эту непреклонную, леденящую маску на лице А-Синь, Ли Яньи почувствовала, как к её горлу подкатил тяжёлый, удушающий ком ярости и бессилия. Все те колоссальные муки, недосып и изнурительная усталость прошлых дней разом ударили в её голову. В глазах принцессы всё безумно закружилось, пространство перед ней поплыло, и она без чувств рухнула прямо на руки испуганных слуг.